Турцию подталкивают к противостоянию с Ираном

Комментарий Центра АРВАК, 09.08.2025

Аннотация

АРВАК анализирует геополитические тенденции на Ближнем Востоке, сигнализирующие вероятность столкновения Турции и Ирана.

В тексте проводится историческая параллель между современной Турцией и Османской империей, которая неоднократно выступала в роли «тарана» для европейских держав против России и Персии. Приход к власти Р. Т. Эрдогана и активизация его «неоосманского» внешнеполитического курса рассматриваются как проект Запада, призванный разрушить доктрину «кемализма» и задействовать Турцию в качестве регионального «тарана». Отмечается, что ключевые региональные конфликты (включая Карабахский вопрос, проект т. н. «Зангезурского коридора» и процесс разоружения курдских формирований) служат подготовкой Турции к ведению активных действий на антииранском фронте.

Делается вывод, что Турция оказалась в ловушке собственных амбиций. Ее втягивание в конфликт с Ираном, катализируемое через Азербайджан, соответствует стратегическим целям Израиля и его глобальных союзников по установлению доминирования в Передней Азии и созданию нового миропорядка.

Ключевые слова: *Турция, Иран, геополитика, конфронтация, Запад, неоосманизм, кемализм, Азербайджан, Израиль, региональная безопасность, Ближний Восток.*

1. Геополитическая прелюдия к турецко-иранской конфронтации

Логика событий на Ближнем Востоке указывает на высокую вероятность столкновения двух наиболее крупных и значимых исламских стран региона – Турции и Ирана. Хотя Анкара и Тегеран на данном этапе не демонстрируют заинтересованности в подобной перспективе, геополитические комбинации ведущих западных акторов – в лице Вашингтона, Лондона и Тель-Авива – подталкивают эти столицы к трансформации их отношений из плоскости региональной конкуренции в прямое соперничество, а затем и к открытой конфронтации. Проблема заключается в

объективной ограниченности влияния как властей Турции, так и Ирана на глобальные процессы в регионе, а также в хрупкости их контроля над внутриполитическими процессами и общественными настроениями в собственных странах.

Целью коллективного Запада является сохранение своего доминирования в мире в условиях претензий Китая на лидерство и попыток России удержаться на позициях евразийского гегемона. Таким образом, ставки в борьбе Запада за сохранение однополярного мира настолько высоки, что турецко-иранская конфронтация может созреть без учета подлинных национальных интересов этих стран и вопреки логике целесообразности.

2. Исторические параллели: синдром «мусульманского ландскнехта»

На протяжении своей истории Османская империя (Турция) неоднократно выступала в роли «тарана», подталкиваемого к войнам с Российской Империей и шахской Персией в интересах европейских держав. Османская верхушка мотивировала эти столкновения собственными государственными интересами и амбициями, тогда как причиной войн часто становились обычный подкуп элит, европейские ссуды султанскому двору, подстрекательство и шантаж. Эта практика надолго закрепила за Стамбулом репутацию *«мусульманского ландскнехта»* (наемника) на службе европейской политики. За 5 веков Османская империя успела ввязаться в 13 войн с Россией и 11 – с Персией. При этом в подавляющем большинстве случаев военные кампании, инициированные османами, заканчивались для них негативными, а зачастую – катастрофическими последствиями. Эти результаты свидетельствовали о том, что Высокая Порта, вопреки целесообразности и долгосрочным интересам, не всегда демонстрировала способность к объективной оценке собственных сил, которые не соответствовали ее амбициям.

Последним ошибочным опытом Турции стало ее активное участие в Первой мировой войне, закончившееся для страны распадом империи. Только благодаря быстрой переориентации одного из ее военных лидеров – генерала Мустафы Кемаля – от османских и пантюркистских идей к доктрине национального единения в рамках анатолийской географии страна избежала окончательного развала.

Осмысление опыта Первой мировой войны позволило президенту Исмету Иненю (İsmet İnönü, 1938–1950 гг.) впервые в турецкой истории уберечь страну от прямого участия в самой масштабной войне в мировой истории, несмотря на попытки западной коалиции привлечь ее в свой лагерь. Фактический нейтралитет Турции во Второй мировой войне следует считать сенсационным фактом, поскольку Анкара смогла успешно маневрировать между мировыми центрами силы, нивелировать традиционное давление европейских партнеров и избежать преждевременной ставки на одну из противоборствующих сторон. Итогом этой стратегии стало то, что соратники Ататюрка во главе с И. Иненю уберегли страну от разрушения, сохранили потенциал ее демографического роста, улучшили ее финансово-экономическое положение за счет торговых операций с воюющими странами и подготовили почву для последующего вступления Анкары в НАТО, взявший ее под свой «*ядерный зонтик*».

Показательно, что эти успехи Турции были достигнуты на фоне ее внутренней политики по обузданию державных амбиций и трезвой оценки своего скромного места в формировавшемся новом миропорядке. Данный рациональный подход предоставил стране возможность и время сфокусироваться на решении внутренних проблем и сократить отставание в области государственного строительства, а также развития социальной, экономической и технологической сфер. В совокупности это создало предпосылки для того, чтобы Турция, не обладавшая энергетическими и иными значимыми ископаемыми ресурсами, накануне 21-го века преобразилась в экономического игрока со скачкообразно развивающейся промышленностью, пытающегося конвертировать достигнутые успехи во внешнеполитическом пространстве.

3. Неоосманизм как проект внешних акторов

Существует мнение, что приход к власти в Турции такого эксцентричного лидера, как Реджеп Тайип Эрдоган, был инициирован западными центрами силы именно для того, чтобы разрушить кемалистскую доктрину *«сворачивания в себя»*, которая после распада СССР перестала устраивать союзников Анкары. В условиях ослабления России и периода хаотической реорганизации на постсоветском пространстве Анкара утратила роль антисоветского форпоста НАТО на Южном фланге, и Западу требовалась активизация Турции с иллюзорной идеей ее субъектности и самостоятельности в региональных повестках Ближнего Востока.

Турция долгие годы являлась потребителем предоставляемой НАТО безопасности, тогда как самому Западу уже требовалось внушить турецким политическим элитам и обществу идею о восстановлении «былой силы», которая может позволить этой стране прибегнуть к ревизии нынешнего геостратегического расклада, сложившегося на «*исторических территориях*» Османской империи. Запад проявил заинтересованность в реализации накопленной Турцией «энергии» в интересах блока НАТО, но от имени самой Анкары и в русле ее реанимированных амбиций.

Для осуществления «таранного» удара по России Турция изначально не подходила, поскольку подобный сценарий мог с большой вероятностью привести к ядерному ответу Москвы с неизбежным прямым вовлечением в конфликт НАТО. Поэтому в качестве разрушительного антироссийского «тарана» была выбрана Украина, успешно сковавшая Москву на пространстве от Черного моря до Прибалтики и постепенно подтачивающая ее ресурсы. Анкара же больше подходила для вынашиваемых Западом планов по реорганизации ближневосточного наследия 20-го века, в числе прочего не устраивающего США и Европу в связи с выходом на глобальную арену КНР и ее попытками укрепиться на указанном пространстве.

В связи с этим многие эксперты придерживаются достаточно нестандартного мнения о том, что Р. Эрдоган, позиционирующий себя в качестве самостоятельной фигуры, ослабившей зависимость страны от Запада, на самом деле изначально являлся ставленником американо-британского тандема. Его главная задача – реанимировать приглушенный прагматичной идеологией «*кемализма*» «*неоосманский ревизионизм*» и способствовать подавлению «*панарабистских*» и «*паншиитских*» тенденций в

регионе, способствующих, как считают на Западе, усилению позиций Китая в Передней Азии. Отсюда и проистекает не спадающая за четвертьвековой период борьба Р. Эрдогана с политическим наследием К. Ататюрка, который считал ближневосточные амбиции османов обузой для турецкой нации, тормозящей ее светское развитие и единственно верную, с его точки зрения, интеграцию в прогрессивный Западный мир.

4. Стратегическая траектория в сторону антииранского фронта

По ряду признаков сейчас на повестке глобальных акторов Запада стоит вопрос задействования «*избыточной силы*» Турции в регионе Ближнего Востока и, в частности, против Ирана. Очевидно, что Анкару «выкармливали» Нагорным Карабахом, т. н. «*Зангезурским коридором*», Сирией и процессом разоружения курдских сил не ради удовлетворения ее амбиций, а с целью вывода ее на передовую антииранского фронта.

География военно-политической активизации Турции все явственнее подбирается к непосредственным границам Ирана, и динамику этого процесса сейчас не в силах остановить даже сам Р. Эрдоган, который и мобилизовал свою страну на опасное вмешательство в процессы, инициированные авторами глобальных преобразований в мире. Наиболее показательным примером того, что Анкара оказалась в ловушке собственных амбиций, является так называемая *«Шушинская декларация»* от 15 июня 2021 года, поставившая Анкару перед необходимостью всецелой защиты Азербайджана в условиях, когда Турция не в состоянии проконтролировать и предотвратить процесс подталкивания Баку Вашингтоном и Тель-Авивом к войне с Тегераном. Тем самым именно Азербайджан стал «крючком» для втягивания Анкары в антииранскую авантюру, грозящую непредсказуемыми последствиями.

Возможно, «*распад*» Ирана представляется Анкаре манящей перспективой, открывающей ей путь к единению тюрок в границах «*Великой Турции*» или «*Большого Турана*». Однако история 11-и турецко-персидских войн, шедших с переменным успехом, доказала, что ни одна из них не закрепила навечно за османами иранских территорий и не натурализовала в интересах османов тюркоязычные народы Иранского нагорья. Зато по итогам каждой из них истинные бенефициары этой вековой вражды добивались либо смены неугодной шахской династии в Иране, либо приобретения прав на иранские ресурсы, либо втягивания иранской монархии в долговую кабалу. И, конечно же, непременным следствием этих кровопролитных войн каждый раз было ослабление самой Османской Турции, лишающее ее сил и намерений проявлять агрессивность на европейской арене своих интересов.

5. Заключение: замкнутый круг истории

Сегодня все большее число экспертов склоняется к мнению, что Израиль при непосредственной поддержке США и Великобритании проектирует войну между Турцией и Ираном – двумя своими главными соперниками, одним своим существованием бросающими вызов планам по установлению господства еврейского государства в регионе Передней Азии. Это не просто амбиции Тель-Авива, а часть новой

глобальной доктрины стоящих за Израилем мировых гегемонов по переустройству системы безопасности на Азиатском континенте и созданию нового миропорядка. На данном этапе Турция, очевидно, уже не в состоянии отказаться от роли антииранского «тарана» и вновь вынуждена действовать в интересах западных акторов – сколько бы ее пропаганда ни изощрялась в агитации идеи об индивидуальном выборе Анкары и ее действий в логике собственных целей и сверхзадач.

История турецко-персидских войн фиксирует очередной оборот по замкнутому кругу. И ничего в этой истории не изменилось.